

М.В. Ленц

*Исторический факультет, V курс
Научный руководитель – Ю.В. Родович*

**Эффективность применения труда немецких военнопленных
на шахте № 20 треста «Болоховуголь» (1945-1955 гг.)**

Данная статья содержит результаты исследования, целью которого было определение эффективности применения труда немецких военнопленных на шахтах треста «Болоховуголь» (Тульская область) в ходе реализации германских репараций в советской экономике в период после Великой Отечественной войны. В ходе исследования были проанализированы документы двух фондов Центра новейшей истории Тульской области (ЦНИТО): 1322 — Фонд «Первичная организация КПСС шахты № 20 треста «Болоховуголь», Болоховский район, Тульская область» и 1324 — Фонд «Первичная организация КПСС треста «Болоховуголь», Болоховский район, Тульская область».

Исходя из содержания протоколов заседаний членов первичной организации ВКП(б)—КПСС треста «Болоховуголь» достоверно известно, что, по крайней мере, в период с 1945 года по 1949 год, а, возможно, и в начале 1950-х годов на территории Болоховского района было сконцентрировано несколько лагерей военнопленных.

Вопрос об эффективности использования труда немецких военнопленных на шахте № 20 треста «Болоховуголь» следует рассматривать с точки зрения внутренней ситуации, сложившейся в целом на шахтах и в цехах треста в указанный период времени (вторая половина 1940-х годов), а также в сопоставлении с особенностями производственно-технической и административной работы непосредственно на шахте № 20. По словам¹ одного из работников предприятия, на шахте № 20 в январе 1945 года работало 1500 человек. Установить точное количество немецких военнопленных хотя бы в один из моментов времени периода их пребывания в распоряжении шахты № 20 или треста в целом по содержанию задействованных в исследовании документов невозможно. Это можно установить по косвенным данным данной группы источников. Например, в одном из документов говорится о том, что в январе-мае 1947 года количество работников шахты № 20, занятых «по эксплуатации», менялось в пределах от 4380 до 4197 человек. Таким образом, количество работников уже только одного профиля превышает показатель января 1945 года. Наверняка, это произошло не только за счет военнопленных. К тому же неизвестно, насколько стабильно было количество немецких военнопленных, прикрепленных к шахте в долговременной перспективе. Достоверно известно, что

военнопленные появились в районе шахты № 20 в первой половине лета 1945 года (до 30 июня, так как в этот день проходило партсобрание, на котором они уже упоминаются).

При рассмотрении проблемы эффективности использования труда немецких военнопленных необходимо анализировать характер и значение основных аспектов хозяйствования на шахте № 20 и в тресте «Болоховуголь», определяющих саму возможность выполнения плана производства в целом и пленными в частности. Среди них: уровень трудовой и производственно-технической дисциплины, качество подготовки рабочего места, охрана труда, уровень механизации, укомплектованность штата, распределение рабочей силы на производстве, профилирование и специализация, внутренняя и внешняя деятельность руководства по повышению эффективности и качества работы предприятия, способы воздействия на работников (поощрение и принуждение, оплата труда), а также материально-бытовые условия работающих на шахте. Немецкие военнопленные выполняли абсолютно такие же производственные функции, что и советские рабочие. Качество их труда было обусловлено влиянием одних и тех же факторов.

Из содержания протокола² № 40 заседания партийного собрания от 23 января 1945 года следует, что шахта систематически не выполняет план, «...большинство рабочих норму выполняет не более как на 50-60%». В «Решении» партийного собрания содержатся конкретные сведения о производительности труда рабочих и о выполнении плана шахтой. Согласно им «...шахта за последние 2 м-ца 1944 г. (ноябрь план выполнила на 80,7%, подготовительные работы выполнила на 90%. Декабрь м-ц план выполнен на 89,6%, подготовительные работы на 101,3%). Производительность труда составила: рабочих по забоям в ноябре м-це 76,8%, за декабрь м-ц 92%...

План угледобычи за февраль 1945 года выполнен шахтой № 20 «...всего на 94,3%. По подготовительным работам на 89%...».³

Приведенные цитаты из высказываний выступающих на партсобраниях наглядно показывают, что шахта № 20, которая 19 июня 1945 года получила в распоряжение дополнительную рабочую силу в лице военнопленных, до указанного времени не могла считаться благополучной, в том числе на фоне других шахт и цехов треста «Болоховуголь». Приведенные цифры показывают, что шахта не только не выполняла в соответствии с планом свою основную задачу — добыча угля фактически, но и постоянно сама генерировала неблагоприятные условия и почву для дальнейшей реализации плана добычи в будущем, так как не проводила в достаточном темпе подготовительные работы.

Шахта № 20, как видно из документов, находилась в особом хозяйственном положении. Производственные показатели значительно хуже, чем на других шахтах. На партийных собраниях первичной парторганизации шахты № 20 вопрос о труде немецких военнопленных поднимался регулярно вплоть до 1948 года.

5 сентября 1945 года состоялось партийное собрание⁴ первичной парторганизации шахты № 20, на котором рассматривалась работа «шахты за Август м. и перспективы выполнения плана Сентября м-ца». Уже на нем, менее чем через 3 месяца после их

прибытия, анализировались показатели труда военнопленных. В частности, тов. Матвеев сказал, что «наш участок работал плохо, мал фронт работы, а также плохо работали в/пленные. В сентябре коллектив участка имеет все возможности обеспечить выполнение государственного плана...». Тов. Сычиков указывает на то, что в его смене «...в/пленные... работают не плохо нам г.м. нужно только готовить для них рабочее место и больше предъявлять спроса». Хорошо видно, как воспринимали руководители низшего звена труд военнопленных. Даже если эти пленные работали под их непосредственным началом, они бессознательно разделяют участок, за который они отвечают, и работающих на нем немецких военнопленных («наш участок работал плохо» — «а также плохо работали в/пленные»).

Этот же протокол зафиксировал и высказывание тов. Хмель, который отмечал: «Коллектив уч. № 8 в Сентябре м-це план выполнит не меньше как на 150%. Мы организуем таким образом, что все наши н/отбойщики за этот месяц выполняют план...» Учитывая производственные показатели шахты до прибытия дополнительной рабочей силы, можно сделать вывод о том, что именно наличие военнопленных на шахте позволило делать столь необычно оптимистичные прогнозы. Вероятно, за прошедшие с 19 июня до этого заседания два-три месяца Отдел труда треста, нормировщики шахты не произвели перерасчет производственных заданий. Необходимо также проанализировать вероятность того, что немецкие военнопленные, трудящиеся на шахте так и оставались неучтенным резервом, помогающим в дальнейшем исполнять законы об очередном пятилетнем плане. На собрании вновь поднимается вопрос о выполнении подготовительных работ: «Особенно плохо обстоит дело с подготовительными работам, мало того, что план не выполняют...». Текст решения партийного собрания содержит указание на то, что «план угледобычи выполнен на 92,8% по подготовительным работам на 84% по главным направлениям на 50%...» (план августа 1945 г.). На последующих заседаниях руководство шахты, партийные работники продолжают указывать на плохую работу как шахты в целом, но иногда именно военнопленных. Так на одном из собраний⁵ обсуждался вопрос о выполнении шахтой социалистических обязательств, работе шахты за 20 дней октября 1945 года. По словам тов. Христофорова начальники «...участков жалуются, что в/пленные работают очень плохо, это неправильно мы должны с них все взять...». Главный инженер шахты тов. Аксенов в ходе прений указывает на то, что «организовали бригады русских на участке, остальные бесконтрольны и не выполняют задания и спросу с них нет, положение с подготовительными работами катастрофическое...». Это указание на группы рабочих по национальному признаку почти наверняка подразумевает пленных немцев и советских рабочих. Руководители сами отмечают, что у них не получается хорошо организовать военнопленных. Конечно, фактически подневольный труд пленных, как и рабский труд, в принципе трудноорганизуем без наличия определенных знаний и навыков. Необходимо учитывать и то, что очень небольшой срок прошел с того момента, как военнопленные попали в полной распоряжение представителей, по существу, чужой социальной среды, в

незнакомы условия труда. Определенную трудность, наверняка, представлял языковой барьер.

В 1947 году трест, как следует из содержания документов⁶, предполагал перестроить работу шахт № 20 и 23, звучит призыв «...всем коммунистам аппарата треста немедленно нужно включиться в проведение этих задач». Перестраивать на шахте № 20 было что... Бурдин В.И. поднимает вопрос, ярко иллюстрирующий происходящее на этой шахте. Он упрекает т. Косарева в плохой работе, приводит пример с ртутным выпрямителем, который «...ремонтровался три месяца и очень часто т. Косарев не оказывался ни в тресте, ни на работе, ни на шахте № 20...». Сам Косарев находит логичным и приемлемым оправдать себя тягой других к зеленому змею. Он отвечает совершенно противоположным утверждением, что «...просидел на шахте 45 дней, что может подтвердить руководство шахты. Спирт в количестве трех килограмм потребный для ремонта был распит под руководством главного механика т. Пилипенко...». Свое участие в посиделках Косарев отрицает.

25 июня 1947 года руководство треста (в лице Абакуменко) отмечает на собрании⁷, что имеются серьезные недочеты в работе Отдела труда, отвечающего, в том числе, за нормирование и фронт работ, именно по отношению к рабочим из числа военнопленных. Его поддерживает Кобринский, указывая на то, что «отдел труда занимается на шахтах хрононаблюдением, собирают сведения, анализируют, а действенного мало, начальники и главные инженеры шахт лениво передают наряды в трест, а старшие нормировщики не знают сколько людей работают в шахте, табельный учет поставлен плохо». Протокол данного партсобрания является одним из немногочисленных документов этого типа, который содержит конкретную информацию о качестве труда немецких военнопленных, и, видимо, в целом по тресту, а не по отдельной шахте, так как Абакуменко не ограничивает названные им показатели труда пленных каким-либо цехом или шахтой треста. Это косвенным образом доказывает, что труд немецких военнопленных использовался не только на шахте № 20 треста. Производительность труда немецких военнопленных в июле 1947 года составила по основным специальностям 70 и 72%. Гудков также порицает самого Абакуменко за отсутствие «самокритичности» в выступлении и за плохую «производительность» и «выхождаемость военнопленных», которая «еще низка».

Производительность труда немецких военнопленных резко отличалась от производительности труда советских рабочих и была ниже в среднем на 35-50%. Гораздо меньше и доля пленных, выполняющих нормы. В июне 1947 года 24% навалоотбойщиков и 31% проходчиков не выполнили своих норм, и «...особенно большое количество невыполняющих норм у рабочих военно-пленных, так из 39 н/отбойщиков выполняют норму только 9 человек или 23,1% и из 81 проходчика — 7 человек или 8,6%, что служит причиной того, что с в/пл. надлежащей работы не ведется»⁸. Исправление положения с выполнением норм рабочими возложено на Карнеева, от которого партсобрание потребовало повысить этот показатель по вольнонаемному труду к концу года до 100%. Требования касательно труда военнопленных не были столь категоричными. Корнееву и

Кручинкину поручено «в ближайшие дни сделать перегон в выполнении норм в/пленными, для чего перестроить организацию работы и добиться в том месяце выполнение норм в/пленными не менее 50% к концу года не менее 73%...». Таким образом, главной причиной плохих результатов выполнения производственных заданий руководство треста видело в плохой организации труда.

Проанализировав архивные документы в целях определения эффективности применения труда немецких военнопленных в рамках шахты № 20 (треста «Болоховуголь»), можно сформулировать следующие выводы:

- шахта № 20 систематически не выполняла производственные задания (с точки зрения основных производственных показателей);
- немецкие военнопленные выполняли предусмотренные для них нормы выработки далеко не в полной мере;
- общий уровень эффективности применения труда военнопленных — низкий.

¹ ЦНИТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

² ЦНИТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3 (об.).

³ Цит. по «Протокол № 42 от 7/III – 1945 г. открытого партийного собрания первичной парторганизации шахты № 20».

ЦНИТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 17(об.)-18.

⁴ Цит. по: ЦНИТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 57-59(об.).

⁵ Цит. по: «Протокол № 55 от 23/X-45 г. партийного собрания парторганизации ш № 20 тр. «Болоховуголь».

ЦНИТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 67-69.

⁶ См. «Протокол № 1 общего партийного собрания парторганизации треста «Болоховуголь» от 12/III-47 г.».

ЦНИТО. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 3. Л. 5-11.

⁷ См. «Протокол № 6 открытого партийного собрания треста «Болоховуголь» от 25/VI-47 г.»

ЦНИТО. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 3. Л. 35-37.

⁸ ЦНИТО. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.